

И дым мучения их будет восходить во веки веков, и не будут иметь покоя ни днем, ни ночью поклоняющиеся зверю и образу его и принимающие начертание имени его.

*«Откровение Иоанна Богослова»,
глава 14; стих 11*

Ведь это так, что ангелы всегда, спасая смертных, падают в пучину...

*О. Иоанн Сан-Францисский
(кн. Шаховской)*

Глава первая

Свет фар едва пробивал душную ночную тьму. Заброшенная бетонка тянулась через густой смешанный лес. Плиты раскрошились, сквозь щели проросла трава, вздулись корни столетних дубов и елей, такие крупные и крепкие, что тяжелый, набитый людьми грузовичок «Газель» подпрыгивал и трясся.

Кончалось лето 2002 года, самое жаркое и засушливое за последние сто пятьдесят лет. Горел торф на болотах. Над огромным пространством от Архангельска до Краснодара небо стало мутным, молочно-розовым. Днем матовое вишневое солнце просвечивало сквозь марево, как зрачок циклопа. Ночью лунный диск казался маленьким рваным облаком. Слезились глаза, першило в горле, и трезвые шатались как пьяные.

Водитель грузовичка был человек опытный, но еле справлялся с управлением. Много лет по старой бетонке никто не ездил. Она змеей проползала сквозь лес и упиралась в пустоту, оставшуюся от железных ворот и обозначенную двумя обломками столбов, из которых торчали щупальца ржа-

вой арматуры. Дальше дорога становилась шире, лучше, сохранилось асфальтовое покрытие, тоже очень старое, но достаточно крепкое.

Метрах в двадцати от въезда высилась одинокая фигура девочки-физкультурницы в пышных коротких шароварах, в футболке и пионерском галстуке. Она стояла здесь на цыпочках больше пятидесяти лет, пытаясь закинуть свой облупленный мяч в несуществующую корзинку. От ее братьев и сестер, пионеров и пионерок с книжками, веслами, горнами и барабанами, остались только обломки. Кое-где на заброшенной территории бывшего пионерлагеря «Маяк» белели в некошеной траве то голова с отбитым носом, то кусок беспалой руки, то нога в носке и тапочке.

Из пяти деревянных корпусов сохранилось три. Остались гнилые фрагменты забора, отделявшие территорию от песчаного берега реки Кубрь, и ржавые клочья колючей проволоки. Пятнадцать лет назад последний директор пионерлагеря распорядился обтянуть забор колючкой, чтобы дети самовольно не бегали купаться. Здесь до сих пор был чудесный пляж, чистый и совершенно дикий. Уцелело небольшое каменное здание, в котором когда-то размещались кухня и столовая. Окна выбиты, рамы выломаны, двери сняты с петель.

Грузовичок, прощупывая фарами темноту, медленно свернул на боковую аллею, пересек квадратную площадку, на которой когда-то проходили пионерские линейки, и остановился у здания столовой. Мотор затих. Из кабины выскочили двое молодых людей. Водитель был почти на голову выше и заметно крепче пассажира. Несмотря на жаркую ночь, оба в плотных камуфляжных куртках. К свету фар прибавился свет двух мощных ручных фонарей.

— Все, Лезвие, прибыли, — тихо сказал пассажир и, повесив свой фонарь на шею, закурил.

Водитель обошел машину, открыл кузов, запертый снаружи.

— Подъем! — рявкнул он, полоснув фонарем по нутру кузова. — Миха, Серый, вы спите, что ли?

— Тут уснешь в такой вони, — ответил из глубины кузова молодой веселый голос.

— Ты чего пихаешься? — занял другой голос, хриплый и больной. — Убери свет, прямо в глаза, блин, и так ничего не видно!

После короткой возни и вялой, сонной перебранки из кузова вылезли пять человек. Двое молодых, в камуфляже, с фонарями, — Миха и Серый, трое постарше, в грязном тряпье, — безымянные бомжи. Один, самый старший, не удержался на ногах, опустился на четвереньки, тут же получил от крепкого Михи несколько ударов тяжелым ботинком и завыл дурным голосом.

— Хорош учить, покалечишь, — произнес невысокий человек, который приехал в кабине и никак не участвовал в процедуре извлечения из кузова трех сонных бомжей.

— Ты бы, Шама, посидел в их вони без противогаза, — огрызнулся Серый и поднял бомжа на ноги, вздернув за шиворот.

— Ничего, здесь воздух свежий, продышишься, — утешил Серого человек по прозвищу Шаман и обратился к бомжам вполне вежливо, даже приветливо: — Значит, так, мужики, сейчас все грузим быстро, но очень аккуратно. Груз ценный.

— Мы вам доверяем, — с ленивым смешком добавил водитель по кличке Лезвие.

— Так чего грузим-то? — поинтересовался самый бойкий из трех оборванцев.

— Не твое собачье дело, — ответил Миха и слегка подтолкнул бомжа к черному дверному проему бывшей пионерской кухни.

Пятеро исчезли во мраке.

На улице у грузовичка остались Лезвие и Шама.

— Может, зря мы этих трех вонючек взяли? — спросил Лезвие, прикуривая. — Вполне могли бы сами справиться.

— На фи́га надрыватьс́я? Железо тяжелое, и вообще, пусть поработают напоследок, хоть какая-то польза от вонючек. — Шама потянулся, мягко хрустнув суставами. — Ты сам предложил их взять. Что же теперь?

— Теперь я думаю, что совсем не обязательно было перевозить железо. Место отличное, надежное, где мы еще такое найдем?

— Перестань. Отсюда до свалки всего пять километров. Свалка горит, рядом торфяники, при такой жаре огонь может перекинуться сюда, и начнется салют, от нашего железа только шкварки останутся.

— А вонючки?

— Что вонючки? С ними будет как обычно. Ладно, пойду искупаюсь. — Шаман потянулся и покрутил головой, разминая шею.

— Иди. Я вообще не понимаю, зачем ты с нами поперся? Не царское это дело, Шама. Тебе пора отвыкать от черной работы. И рисковать тебе нельзя, особенно сейчас, — сказал Лезвие.

— Мне надо встряхнуться, а то закисаю. Риск бодрит, без него скучно. Ладно, если что, свистнешь.

Крепкая невысокая фигура бесшумно растворилась в темноте. Из бывшей кухни слышались голоса, тяжелый хриплый кашель. Бомжи, скрючившись, вынесли толстый брезентовый сверток метра полтора длиной и, тихо матерясь, бережно загрузили его в кузов грузовичка. Всего таких свертков было шесть. Затем, после перекура и нескольких глотков водки, они принялись грузить ящики. Бомжи очень старались. Им было обещано, что после погрузки их не только отпустят, но и денег дадут.

Шама разделся на пустом песчаном пляже. Фонарь свой он погасил. Глаза привыкли к темноте, к тому же лунный свет сумел просочиться сквозь плотное марево. Реку пересекла зыбкая жемчужная дорожка. Шаман осторожно ступил на эту дорожку, сделал несколько шагов по илистому дну.

Вода была теплой и мягкой. Из-за жары молчали ночные птицы и лягушки. Казалось, лес умер, так тихо было вокруг. Голоса и грохот погрузки едва долетали сюда и звучали мягко, почти музыкально.

Шаман застыл, прислушиваясь к тишине. В его жизни было слишком мало тишины, он совсем отвык от нее. Ему стало немного не по себе, словно лес, песок, обмелевшая усталая речка Кубрь и розовый лунный диск молча, недоброжелательно уставились на него, чего-то от него ждали и знали такое, что неодушевленные предметы в принципе знать не могут.

Слева, в зарослях дикой малины, ему почудился шорох и еще какой-то звук, похожий на вздох. Он резко оглянулся, но ничего, кроме мрака, не увидел. Вспомнив, что времени совсем мало, с бодрым возгласом «Кайф!» он плюхнулся в теплую воду, нырнул и поплыл по лунной дорожке легким красивым брассом.

Погрузка подходила к концу. Бомжи сильно устали. Лезвие позволил им напоследок еще один недолгий перекур и дал допить оставшуюся водку.

— Слышь, а кузов-то почти полный, мы там все не поместимся, — вдруг произнес один из бомжей, оторвавшись от горлышка бутылки.

— Не поместимся, — отозвался другой бомж, кашляя и едва ворочая языком.

— Ничего, пешочком прогуляетесь, вам полезно, — тихо засмеялся Серый.

На минуту повисла пауза. Вдруг третий бомж, самый молчаливый, вскочил и метнулся к темному кустарнику.

— Ты куда? — удивленно окликнул его Лезвие.

В ответ послышался тяжелый удаляющийся топот. Бомж бежал. Другие два уже поднимались на ноги. Они были слабее и пьяней, но в такой темноте имели неплохой шанс исчезнуть, тем более побежали они в разные стороны.

...Шаман вылез из воды. Шумно отфыркиваясь, он достал из кармана куртки маленькое мягкое полотенце, которое прихватил заранее, ибо знал, что непременно искупается этой ночью в реке Кубрь. Вытерся и стал одеваться. Когда он, прыгая на одной ноге, натягивал джинсы, до него донесся тревожный условный свист Лезвия, потом крики, и наконец сухо щелкнул первый выстрел.

* * *

Если бы Василиса могла не дышать, она бы не дышала. Съежившись в кустах, мокрая насквозь, она замерзла, хотя ночь была жаркой. Каждый выстрел отдавался в ней крупной дрожью, словно ее било током. Рука все еще сжимала бутылку колы.

Пляж был залит мутным лунным светом. Несколько минут назад Василиса отчетливо видела силуэт человека, который пришел купаться. Она понятия не имела, кто он и откуда взялся, но чувствовала, что надо сидеть тихо и ждать, когда он уйдет. Он не ушел, а убежал, едва успев натянуть штаны, и пару метров прыгал на одной ноге. Кроссовки у него были на липучках, что-то там застряло, он не сумел застегнуть сразу. Из темноты кричали, свистели, потом стали стрелять.

Три выстрела, четыре. Крики, топот. Василиса впервые в жизни слышала настоящую стрельбу, и у нее ни на миг не возникло утешительного чувства, что это всего лишь страшный сон или кино. Она сразу поняла: люди, явившиеся сюда ночью на машине, убивают по-настоящему.

Она не видела никого из них, кроме одинокого купальщика, но по голосам, доносившимся издалека, догадалась, что их человек пять, не меньше.

После четвертого выстрела стало тихо. Василиса решила, что все кончилось. Она заставляла себя верить, что Гриша, Оля и Сережа сидят сейчас, притаившись, точно так же,

как она. У них есть хороший шанс. Они выбрали для ночевки самый дальний из корпусов, самый чистый и целый. Вряд ли странные ночные гости станут обыскивать в темноте развалины бывшего лагеря, они разбираются между собой. Разберутся и уедут. Вот, кажется, заводят мотор. Ну что их сюда принесло, спрашивается? Здесь делать совершенно нечего. Это дикое место, заброшенное и проклятое. Это вроде Бермудского треугольника, но не в западной части Атлантического океана, а на суше, в подмосковных лесах. В тридцатые годы НКВД расстреливал здесь кулаков. В конце пятидесятых построили пионерский лагерь, и каждое лето кто-нибудь из детей тонул в реке, была история с маньяком, который работал массовиком-затейником и успел за месяц убить трех девочек, потом в молоко попала крыса, и несколько детей умерли от отравления. Лет десять назад какой-то бизнесмен арендовал этот кусок земли, чтобы построить шикарный дачный поселок, но был убит при загадочных обстоятельствах. С тех пор никто сюда не совался.

Два мальчика и две девочки, Василиса, Гриша, Оля и Сережа, оказались здесь совершенно случайно. Это была дурацкая авантюра.

Собирались большой компанией на дачу, рано утром загрузились в электричку, но тут выяснилось, что дача отменяется, туда явились родственники, будет полно взрослых. Надо было куда-то деться. Меньше всего хотелось возвращаться в Москву. И вот Гриша вспомнил, что когда-то его родители снимали домик в деревне. Километрах в пяти, на берегу реки, были развалины пионерлагеря. Он облазил их в детстве вдоль и поперек. Любопытно посмотреть, что там сейчас. Поскольку они уже едут в электричке по Савеловской дороге, то вполне логично доехать до станции Катуар, оттуда придется пилить пешком часа три по заброшенной бетонке через лес.

Гриша вдохновенно рассказывал ужастики про заброшенный лагерь, пока тряслись в электричке, и в итоге пять

человек сошли в Лобне. Дальше решились ехать только две влюбленные парочки, Сережа с Олей и Гриша с Василисой.

День получился длинный и сумасшедший. В Гришин Бермудский треугольник попали только к вечеру. Пока шли по разбитой бетонке, у Василисы отломился каблук. Босоножки были новые, нещадно терли, она разозлилась, выбросила их и дальше пошла босиком. Часть пути Гриша нес ее на загривке.

Потом купались в реке, бегали по пустой территории бывшего лагеря, вопили, дурачились и бесились, выпили на четверых две бутылки водки.

Василиса и Гриша почти не пили. Все вылакали Оля и Сережа, к тому же эти двое несчастных влюбленных курили травку. Обнявшись, повиснув друг на друге, они удалились в соседнюю палату. За стенкой долго были слышны характерные звуки. Оля и Сережа занялись главным делом своей жизни. Гриша сказал, что они уже год этим занимаются везде, где можно и нельзя. Не исключено, что они поженятся, когда Оле исполнится восемнадцать. Правда, им негде жить, и родители категорически против.

У них не было с собой ни спальников, ни одеял, только легкие куртки. Оля и Сережа не побрезговали улечься прямо на рваные матрасы, которые в изобилии валялись по всему корпусу. Гриша заранее набрал кучу ельника и сухой травы, сложил все это на занозистом полу бывшей пионерской палаты, расстелил сверху свою куртку.

Василисе было легко и хорошо с ним, словно они знали друг друга не два дня, а сто лет. Они сидели, шептались, только изредка, почти случайно, соприкасаясь то головами, то локтями, вздрагивая и краснея. Наверное, они проговорили бы так до рассвета, а потом отправились купаться. Но Василиса ляпнула глупость, и Гриша обиделся. Она сказала, что не может целоваться с человеком, у которого потные усики.

На самом деле он пока не собирался с ней целоваться. Они оба чувствовали, что рано и можно все испортить.

Просто он потянулся за сигаретами, потерял равновесие, мимоходом скользнул губами по Василисиной щеке. У нее так закружилась голова, что она растерялась и ляпнула глупость про потные усики. Гриша помрачнел, заявил, что пора спать, улегся на свою куртку, отвернулся к стене.

— Спокойной ночи! — сказала Василиса, подошла к выбитому окну и закурила. Она ждала, что он встанет и обнимет ее. Но он продолжал лежать. Он ждал, что она подойдет и уляжется рядом.

Выкурив сигарету, она перемахнула через подоконник и спрыгнула вниз, в высокую мягкую траву. Ей вдруг ужасно захотелось искупаться, прямо сейчас, сию минуту. И еще она вспомнила, что на пляже осталась бутылка колы. Днем они клали в воду у берега несколько бутылок, чтобы охладить.

Оказавшись на пустом пляже, она заплакала и засмеялась одновременно. Река светилась изнутри мягким серебряным светом. На противоположном берегу в крошечной тьме смешанного леса неясно белели тонкие березовые стволы. Песок под босыми ступнями был бархатным и теплым. Раздеваясь, Василиса с веселым ужасом представила, что будет, если сейчас явится сюда Гриша, и тут же поняла, что больше всего на свете хочет именно этого. Но и не хочет, ибо прежде, чем что-то такое случится, он должен все-таки сбрить свои усики.

В воде ей стало казаться, что с нее сползла старая грубая кожа и теперь она все чувствует острее: шепот и щекотку реки, холодок ночного воздуха на мокром лице, прозрачную тяжесть капель на ресницах.

— Гри-ша, — пропела она, перевернувшись на середине реки на спину и глядя в сизый мрак ночного неба, — мне никогда не нравилось это имя. Я никогда не знакомилась в кафе. Это вообще не я, это кто-то другой, тупой и счастливый. Счастливый и тупой Васька.

Василиса услышала собственный тихий смех. А потом далекое ворчание мотора. Сначала она ничуть не испугалась:

ну подумаешь, где-то едет машина. Но звук приближался. На всякий случай она подплыла к берегу. Натягивая джинсы и футболку на мокрое тело, с удивлением заметила, что торопится и даже слегка дрожит.

«Да что я психую? Никто сюда не приедет. Прежде чем бежать назад, надо отыскать бутылку колы. Она у нас последняя. Я выпью пару глотков, остальное отнесу в корпус».

Машина подъехала совсем близко. Свет фар почти задел Василису. Она отскочила от двух смутных световых столбов, словно это были живые хищные щупальца, и кинулась к зарослям дикой малины, из последних сил продолжая врать себе, что вовсе не боится, просто хочет найти бутылку колы, которую могло отнести течением именно в ту сторону.

Пока слышались голоса и блуждали толстые фонарные лучи, Василиса сидела в кустах и пыталась сообразить, возможно ли как-то в обход, короткими перебежками, добраться до своих, чтобы не заметили чужие. Потом обнаружила, что в двух шагах от нее из воды торчит горлышко бутылки, и обрадовалась, словно это было добрым знаком. Она уже стала осторожно подниматься, хотела рвануть к темной прогалине между гнилыми досками забора, но рядом послышались шаги, и вспыхнул свет, так близко, что полоснул по лицу. Она медленно опустилась на колени, сжалась в комок и чуть не вскрикнула, спохватившись, что невысокий крепыш может заметить свежие следы ее босых ног на песке. Но он выключил фонарь, разделся, подошел к воде.

Василиса оказалась в ловушке, не знала, сколько еще предстоит ей просидеть в колючих кустах дикой малины, что вообще происходит и что будет дальше. Она верила, что ее друзья догадались не вылезать из дальнего корпуса, не показываться на глаза таинственным и опасным ночным гостям. Ворчание мотора, топот, голоса, даже выстрелы, все это не так уж громко, к тому же корпус далеко, на другом конце лагеря. Оля и Сережа могли вообще не проснуться. А Гриша?

— Я не приказывал стрелять, — тихо, сквозь зубы, проговорил Шаман.

Серый вздрогнул и резко развернулся, его палец лежал на спусковом крючке, он мог запросто от неожиданности пальнуть в Шамана в упор. Пуля попала бы в живот. На миг в его разгоряченной голове вспыхнула мысль, что это было бы совсем не так плохо.

В темноте глаза Шамана светились. Он смотрел на Серого не моргая. Он аккуратно вынул пистолет из потной ладони Серого. Еще минута, и дуло уперлось Серому в грудь, слева, прямо в сердце.

— Никогда, ни при каких обстоятельствах не стреляй без моего приказа, — сказал Шаман и медленно переместил дуло от груди к горлу.

— Шама, успокойся, никто не виноват, вонючки могли уйти, — прозвучал рядом голос Лезвия.

— Куда? — Шаман продолжал держать дуло у горла Серого. — Водка с добавками, через пару-тройку часов они бы все равно сдохли.

— А если нет? — произнес в темноте Лезвие и встал рядом с Серым. — У них желудки луженые. Они могли уйти и выжить.

— Я не приказывал стрелять, — повторил Шаман, — я много раз говорил вам всем, что сначала надо думать, а потом стрелять. Желудки у них самые обыкновенные. Серый, скажи, что ты сорвался. Ты не подумал и сорвался, и больше так никогда не поступишь.

— Я сорвался. Я больше так никогда не поступлю, — послушно просипел Серый.

— Молодец, — кивнул Шаман, — ну а теперь давай по честному. Что, если ты сделал это нарочно? Тебе проще выстрелить, чем отрабатывать болевые приемы на живых вонючках, верно?